

Пересъёмки фильма «Роковой выбор» шли даже лучше, чем ожидалось. С приходом Лян Сычжэ многие сложные вопросы решились сами собой. Даже капризная актриса Пан Ин, узнав об участии Лян Сычжэ в досъёмках, увеличила свой рабочий график с одного дня до трёх.

После нескольких месяцев молчания рабочий чат съёмочной группы снова ожил. Продюсер Сюй Аньцяо каждый день публиковал фотографии со съёмочной площадки: Цэн Жаня, работников, еду, но чаще всего — Лян Сычжэ. Цао Е иногда открывал пару фотографий, чтобы взглянуть, но в основном просто пролистывал. Новые сообщения вытесняли старые, а непросмотренные фотографии, словно песчинки, смытые волной, быстро забывались.

Однажды днём Цао Юйнин пришёл в кабинет Цао Е. Тот только пообедал и клевал носом, когда в чате съёмочной группы появились новые фотографии — телефон завибрировал на столе. Цао Е взял его и открыл одну из фотографий. На ней Цэн Жань и Лян Сычжэ обсуждали сценарий. Лян Сычжэ, склонив голову над сценарием, стоял боком к камере.

Он только взглянул на фото, как Цао Юйнин, подскочив, выхватил у него телефон.

— Какой красавчик! — воскликнул он и стал просматривать остальные фотографии.

Цао Е не обратил на это внимания. Он облокотился на стол, положил голову на руки и, прикрыв глаза, лениво спросил:

— Как дела?

— Нормально! Немного скучно каждый день читать сценарии, — ответил Цао Юйнин, не поднимая головы. Просмотрев все новые фотографии, он начал листать старые, недовольно ворча: — Брат, почему ты не посмотрел эти фотографии? Они уже не грузятся!

— Мне что, заняться больше нечем? — пробормотал Цао Е, уткнувшись лицом в руки, не желая с ним разговаривать.

— Ты даже не смотришь фотографии Лян Сычжэ! Вот как ты относишься к моему кумиру! — возмутился Цао Юйнин.

Цао Е, спрятав лицо в руках, усмехнулся:

— Он же не мой кумир.

— Они все не грузятся... — снова пробурчал Цао Юйнин, продолжая листать страницы.

Цао Е лениво поднял голову, подперев подбородок рукой:

— Чэн Дуань отвечает за рекламу, у него должны быть эти фотографии. Пойди к нему и посмотри.

— Ты же обещал, что возьмёшь меня на съёмочную площадку к Лян Сычжэ. — Цао Юйнин положил телефон на стол и посмотрел на Цао Е. — Прошло столько дней, а ничего не происходит.

Цао Юйнин был довольно настойчив. Цао Е не мог нормально отдохнуть и рассеянно включил на телефоне одиночную игру, одновременно разговаривая с ним:

— Я говорил, что возьму тебя с собой, когда поеду на съёмки, но пока мне туда не нужно.

— Когда ты, наконец, поедешь на съёмочную площадку?!

— Мне нечего делать на пересъёмках. Я отвечаю за инвестиции, в основном я ездил туда на ранних этапах, — объяснил Цао Е, продолжая играть. Видя, как Цао Юйнин смотрит на него с выражением лица «ты лжец», он не смог удержаться от смеха: — Можешь съездить сам, я попрошу Сюй Аньцяо встретить тебя.

— Нет, — недовольно сказал Цао Юйнин, — если меня приведёт Сюй Аньцяо, Лян Сычжэ не захочет со мной знакомиться.

Цао Е охладил его пыл:

— Даже если тебя приведу я, не факт, что Лян Сычжэ захочет знакомиться с тобой.

Цао Юйнин стоял на своём:

— Ты — президент Luomeng, главный инвестор «Рокового выбора». Если ты представишь ему своего двоюродного брата, он наверняка сделает тебе одолжение.

Цао Е взглянул на него, улыбнулся и сказал:

— Ты высокого мнения обо мне, спасибо.

Как только он договорил, его телефон завибрировал. Цао Е взял его, чтобы прочитать сообщение. Цао Юйнин подошёл, чтобы посмотреть вместе с ним. Сюй Аньцяо написал: «Господин Цао, сегодня утром съёмочная группа решила, что сцену погони с участием Шрама, где его окружает полиция, лучше переснять. Могут возникнуть финансовые трудности. Режиссёр Цэн хочет поговорить с вами. Когда у вас будет время?»

Не успел Цао Е ответить, как Цао Юйнин выхватил у него телефон, впившись глазами в сообщение:

— Это про дополнительные инвестиции, да? Я правильно понял? Значит, нужно ехать на съёмочную площадку?

Это действительно было связано с дополнительными инвестициями, но для такого мелкого дела не было необходимости ехать на съёмки... Однако Цао Е этого не сказал: взглянув на полное радостного нетерпения лицо Цао Юйнина, он не захотел разрушать его надежды и улыбнулся:

— Да.

— Тогда я отвечу ему! Сегодня днём поедем?

— Делай как хочешь, — Цао Е снова сосредоточился на игре.

— Тогда сегодня днём, — ответил Цао Юйнин, положил телефон на стол и развалился на диване. — Я посплю немного, а потом мы поедем, брат.

Цао Е взял телефон и посмотрел ответ Цао Юйнина: «Чтобы обсудить это, приеду на съёмочную площадку сегодня днём». Написано было вполне официально.

Днём, закончив дела, Цао Е, подгоняемый Цао Юйнином, повёз его на съёмочную площадку. Съёмки проходили в старой деревне в пригороде — дорога туда заняла два часа. Цао Юйнин на заднем сиденье то засыпал, то просыпался, постоянно спрашивая, не приехали ли они. Ответы Цао Е постепенно менялись от «ещё рано» и «ещё немного» до «скоро» и «приехали».

Цао Юйнин, прильнув к окну, с любопытством рассматривал незнакомое место — улочки старой деревни с ветхими домами. Цао Е припарковался перед съёмочной площадкой. Выйдя из машины, он посмотрел на низкие светло-серые стены и паутину в беспорядке протянутых проводов, и подумал, что это место ещё бóльшая глушь, чем Иньсы. Он даже вспомнил, как раньше лазал на крышу, но на этом низком здании водосточных труб не было, и забраться на его крышу было бы непросто.

Больше половины запланированного уже отсняли. Лян Сычжэ играл сцену противостояния с У Байи. У Байи, сгорбившись и дрожа, прятался в углу, на его лице было отчаяние. Лян Сычжэ, склонившись, приблизился к нему и, медленно похлопывая его по шее, заговорил, словно с непослушным животным. В его скупых движениях и тихом голосе была заключена медленная, изнурительная пытка.

Цао Е вспомнил эту сцену. Он видел, как её играл Хуан Цяньши. Лян Сычжэ подошёл к исполнению совершенно иначе. Он бил У Байи по шее с нарастающей силой, потом — головой

о стену, пока тот не потерял сознание.

Сюжет фильма был основан на реальных событиях прошлого века, произошедших в Гонконге. Это было абсурдное дело о похищении в богатой семье. Причиной похищения стала борьба за наследство. Младший сын семьи Цин, Цин Наньмин, нанял некоего Шрама, чтобы инсценировать собственное похищение и, надавив с помощью СМИ, вынудить главу семьи Цин Чжунсяня заплатить огромный выкуп за сына. Однако Шрам нарушил соглашение и похитил Цин Наньмина по-настоящему, сделав своим козырем в переговорах с Цин Чжунсянем.

Текущая сцена показывала момент, когда после попытки побега Цин Наньмин, которого играл У Байи, был снова схвачен Шрамом и его сообщниками. Лян Сычжэ, медленно поменяв положение руки, сжал шею У Байи и начал его душить. У Байи, доведённый до предела страхом смерти, лил слёзы и сопли. Он был беззащитен и мог издавать только бессмысленные звуки «э-э-э». Этот полный ужаса и бессилия звук пронзал замкнутое пространство съёмочной площадки.

— Стоп! — закричал Цэн Жань из-за монитора. После нескольких секунд тишины замершая съёмочная группа ожила.

Стоявший рядом с Цао Е, поражённый увиденным Цао Юйнин, выдохнув, не сразу пришёл в себя и пробормотал:

— Ну и ну... — И, приблизившись, попытался получше рассмотреть Лян Сычжэ.

Сюй Аньцяо заметил приближающегося Цао Е и подошёл к нему.

— Засмотрелся на съёмки и не заметил, как ты подошёл, господин Цао.

— Всё в порядке, — улыбнулся Цао Е. — Я тоже посмотрел немного. Это отличается от предыдущей версии. Сценарий изменили?

— Нет, на этот раз сценарист не участвовал в съёмках, планировали всё снимать по старому сценарию, — объяснил Сюй Аньцяо. — Сяо У выкроил в своём графике полмесяца и теперь каждый день торчит на съёмочной площадке. Поэтому режиссёр Цэн сказал, что им не нужно придерживаться старой версии, и Сычжэ может играть по своему усмотрению.

Цао Е кивнул:

— Отлично.

— Да, что касается актёрской игры Сычжэ, тут и говорить нечего. Главное, У Байи играет с ним намного лучше, чем с Хуан Цяньши. Ты видел предыдущую версию, когда сяо У били головой о стену? Там не было места для импровизации. А сейчас в этой сцене явно появилась

многогранность, напряжение между актёрами стало сильнее, — сказав это, Цэн Жань отвлёкся от работы, встал из-за монитора и подошёл к Цао Е. Они пожали друг другу руки.

Цао Е, улыбаясь, сказал:

— Режиссёр Цэн, ты сегодня в хорошем настроении. — Цао Е помнил, как он был удручён на совещании полмесяца назад — тогда он выглядел так, словно рухнул мир. Сейчас его глаза блестели, он весь сиял.

— Молодой режиссёр Цэн сейчас влюблён в Сычжэ, вот почему у него такое хорошее настроение, — пошутил Сюй Аньцяо.

Цао Е услышал шуточный подтекст в словах Сюй Аньцяо, но всё же приподнял бровь:

— Ммм?

Цэн Жань, обычно молчаливый, на этот раз неожиданно ответил, сдержанно улыбаясь:

— Продюсер Сюй всегда шутит по этому поводу, но в этом есть доля правды. Сычжэ всегда дарит мне те чувства, которые я хочу.

Сюй Аньцяо был намного старше Цэн Жаня и имел богатый опыт в киноиндустрии. Он указал на режиссёра и рассмеялся:

— Ты даже покраснел. Скажи, молодой режиссёр Цэн, ты что, действительно влюбился в Лян Сычжэ?

Цэн Жань едва терпел насмешки Сюй Аньцяо и, используя профессиональные термины кино, изо всех сил пытался перевести разговор в другое русло:

— Сравнение Сычжэ с другими актёрами — это как сравнение плёнки с цифровой CMOS-съёмкой. Ты знаешь, цифровая съёмка безупречна, но тонкость и текстуру плёнки она никогда не сможет заменить... Сычжэ как плёнка, в его игре есть некая тонкость и зернистость.

Сюй Аньцяо, похлопав его по плечу, рассмеялся:

— Режиссёр Цэн, зачем ты так серьёзен...

— «Некая тонкость и зернистость...» — Цао Е повторил его последние слова, слегка изогнув уголки рта в задумчивой улыбке.

Сюй Аньцяо рассмеялся ещё громче. Цэн Жань, раздражённый тем, что мечет бисер перед свиньями [1], посмотрел на Цао Е, надеясь на понимание. Хотя они были почти ровесниками, Цао Е фактически был его покровителем. Они несколько раз серьёзно обсуждали фильмы, и Цэн Жань считал, что Цао Е разбирается в кино. Но сейчас он увидел, что Цао Е тоже улыбается, хотя и не так откровенно, как Сюй Аньцяо, но в его улыбке был какой-то невысказанный смысл.

[1] Идиома 对牛弹琴 (duì niú tán qín) дословно переводится как «играть на цитре для коровы». Она означает говорить с тем, кто не понимает тебя или тратить время и силы напрасно, т.к. это не помогает достижению цели. Это метафора бесполезности усилий, когда аудитория не способна оценить или понять сообщение.

— Господин Цао, над чем вы смеётесь? — Цэн Жань был немного смущён.

Цао Е собирался ответить, но увидел незаметно подошедшего Лян Сычжэ, который стоял позади Цэн Жаня, немного склонив голову и слушая их разговор. Было неизвестно, как давно он здесь стоит.

— Я не смеюсь, — улыбаясь, Цао Е покачал головой и повернулся к Цэн Жаню, чтобы продолжить разговор. — Твоё сравнение вызвало у меня странную ассоциацию.

— Какую? — спросил Цэн Жань.

— Тебе лучше не знать. — Цао Е перестал смеяться. — Сравнение плёнки и цифровой съёмки довольно уместно... Кстати, мы собирались обсудить дополнительные инвестиции в пересъёмки. Как вы планируете переснимать?

— Позовём Сычжэ, пусть он тоже придёт, — сказал Цэн Жань, оборачиваясь, чтобы найти Лян Сычжэ. — Я уже послал за ним.

Он смотрел в противоположную от Лян Сычжэ сторону, когда Лян Сычжэ положил руку ему на плечо:

— Я уже здесь.

Все были так заняты подшучиванием над Цэн Жанем, что никто не заметил, как подошёл Лян Сычжэ. Сюй Аньцяо удивлённо обернулся:

— А? Когда ты пришёл?

— «Зернистость и тонкость», в тот момент, — сказал Лян Сычжэ.

Цао Е снова тихо рассмеялся.

На этот раз даже Сюй Аньцяо стало любопытно:

— Маленький господин Цао, о чём именно ты сейчас подумал?

— Это неважно. — Цао Е, улыбаясь, посмотрел на Лян Сычжэ и сменил тему. — Режиссёр Цэн сказал, что он влюблён в тебя. Ты не слышал?

— Вот почему режиссёр Цэн так меня хвалит, — легко ответил Лян Сычжэ, улыбаясь. — В глазах любящего даже обычная женщина кажется красавицей.

Все поняли, что он шутит. Одной фразой он выказал скромность и избавил от неловкости Цэн Жаня. Сюй Аньцяо отправился к съёмочной группе за планом пересъёмки. Цэн Жань заранее сделал 3D-модель на компьютере и сказал, что у него есть новые, отличающиеся от предыдущих, идеи по поводу досъёмки. С этими словами он отправился в комнату отдыха за своим компьютером.

Цао Е и Лян Сычжэ остались наедине.

Просто стоять и молчать было глупо, и Цао Е закурил. Сигарета придала ему уверенности. Он глубоко затянулся и, выдыхая дым, спросил:

— Значит, вы с Цао Сююанем тоже были влюблены?

Лян Сычжэ смотрел на него несколько секунд, прежде чем произнести:

— Цао Е, не говори, что ты не понимаешь, что означает «любовь» Цэн Жаня. — После паузы он продолжил: — Могу сказать, что, если между актёром и режиссёром нет такой «любви», их сотрудничество, скорее всего, окажется неудачным, а снятый фильм будет низкокачественным.

Его взгляд был открытым, и он говорил спокойно. Цао Е почувствовал, что сам нарывается на неприятности. Он кивнул, посмотрел в сторону и улыбнулся:

— Не будь таким серьёзным...

Несколько лет назад, подстрекаемые СМИ, многие гадали о том, были ли между Лян Сычжэ и Цао Сююанем тайные отношения. Они не верили, что их не было. Цао Сююань относился ко всем новичкам как к расходному материалу. Только к Лян Сычжэ он относился иначе. Он снимал его снова и снова, возведя на вершину славы, сделав самым молодым императором китайского кино. И, как будто этого было недостаточно, через несколько лет он сделал его

киноимператором Канн.

Цао Е никогда не сомневался в чистоте отношений между Лян Сычжэ и Цао Сююанем. Он знал, что Лян Сычжэ не такой человек. Поэтому и сам не мог понять, зачем сейчас поднял эту тему.

— Так о чём ты подумал? — Лян Сычжэ, меняя тему, посмотрел на него. — «Зернистость и тонкость».

— Угадай. — Цао Е повернулся к нему и улыбнулся, нарочно подражая его интонации.

— Это то, о чём нельзя сказать публично? — Лян Сычжэ действительно попытался угадать.

— Тебе ещё нужна подсказка?..

— Просто хочу убедиться, что прав.

— Попробуй. — Цао Е не верил, что он сможет угадать.

Лян Сычжэ на мгновение задумался, сунул руки в карманы, наклонился к его уху и тихо прошептал:

— Ты подумал о презервативах с пупырышками, да?

Цао Е опешил, не сдержавшись, рассмеялся и, бросив на него взгляд, сказал:

— Эй, ты же киноимператор, не стоит так шокировать публику...

Лян Сычжэ выпрямился и обычным тоном спросил:

— Что? Есть правило, запрещающее киноимператорам использовать презервативы?

Цао Е рассмеялся:

— Как ты вообще до такого додумался?

— Сначала скажи, так ли это?

Цао Е всё ещё смеялся:

— Ладно, это так.

— Я угадал. — Лян Сычжэ посмотрел на него и тоже улыбнулся. — По твоему выражению лица было видно, что это несерьёзная ассоциация.

Цао Е забавляла эта ситуация: Лян Сычжэ, киноимператор, которого обожают вся съёмочная группа, стоит с ним в углу и отпускает непристойные шутки. Более того, эта ассоциация была очень странной. Даже он сам не понимал, как у него внезапно появилась такая нелепая мысль. И Лян Сычжэ действительно попал в точку с первого раза...

Он смеялся довольно долго, пока к нему не подошёл Цао Юйнин и не позвал:

— Брат.

Только тогда Цао Е вспомнил, что болтает с Лян Сычжэ, забыв о Цао Юйнине. Он не заметил, когда тот подошёл, и не знал, слышал ли он их разговор.

Цао Юйнин неподалёку говорил с У Байи. Во время разговора он иногда поглядывал на Цао Е и Лян Сычжэ, надеясь, что брат одумается и сам позовёт его, представив Лян Сычжэ. Но Цао Е продолжал болтать с Лян Сычжэ, как будто совсем забыл, что приехал не один.

Увидев, что он постоянно оглядывается, У Байи понял его намерения и предложил:

— Давай подойдём?

— Хорошо, — обрадовался Цао Юйнин. Пока они шли, он тихонько спросил У Байи: — Какой Лян Сычжэ человек?

— Очень хороший, — честно ответил У Байи. — Никакого высокомерия, совсем не такой, каким его описывают.

— Правда? — Цао Юйнин замедлил шаг и понизил голос: — Так он бисексуал или нет?

У Байи посмотрел на него:

— Откуда мне знать...

— Он проявлял к тебе... — не отставал Цао Юйнин.

— Нет, — решительно ответил У Байи и посмотрел на него с удивлением. — Зачем ты про это спрашиваешь?

Цао Юйнин наклонился к нему и что-то тихо сказал. У Байи удивлённо уставился на него, широко распахнув глаза. Цао Юйнин выжидательно посмотрел:

— Как думаешь, есть шанс?

— Мне кажется, ты замечтался. — Теперь У Байи смотрел с нескрываемым недоумением.

Заметив, что они идут вместе, Цао Е с удивлением посмотрел на Цао Юйнина и У Байи:

— Вы знакомы?

— Да, учились в одной школе. — У Байи поздоровался с Цао Е и с улыбкой спросил: — А ты почему сегодня здесь?

— Приехал наблюдать за работой, — отшутился Цао Е и спросил: — Как идут досьёмки?

— Лучше, чем в первый раз. — Не по годам рассудительный У Байи не забыл упомянуть Лян Сычжэ: — Я многому научился у Сычжэ-гэ.

Цао Е кивнул. Судя по последней сцене, У Байи действительно играл более ярко, чем в первой версии. Хороший актёр способен улучшить игру партнёра, и Лян Сычжэ стал тому подтверждением.

Когда было решено снимать фильм по этому сценарию, съёмочная группа долго ломала голову над подбором актёров. Прежде всего, не могли определиться с исполнителем Цин Наньмина. Очень сложно было найти опытного актёра лет двадцати. В итоге после нескольких раундов прослушиваний выбрали молодого китайского актёра У Байи. У него были подходящие внешние данные и неплохой уровень актёрского мастерства, но в главной роли он выступал впервые, ему не хватало опыта. Поэтому исполнитель роли Шрама должен был отлично владеть актёрским мастерством и пользоваться популярностью у зрителей, чтобы подтянуть У Байи до своего уровня и компенсировать его неопытность. Выбор пал на Хуан Цяньши, победившего в прошлом году в номинации «Лучший актер». На тот момент Хуан Цяньши идеально подходил на роль похитителя: его победа была ещё на слуху, и это должно было значительно увеличить кассовые сборы. Но сейчас было очевидно, что Лян Сычжэ подходит лучше, чем Хуан Цяньши. Цао Е вспомнил про недавний опрос общественного мнения, результаты которого показывал Чэн Дуань. Пользователи сети говорили, что съёмочная группа «обрела благословение из-за несчастья». Приходилось признать, что это было действительно так...

Обеспокоенный тем, что его не замечают, Цао Юйнин снова позвал:

— Брат.

Только тогда Цао Е наконец вспомнил о главной цели своего визита:

— О, это мой двоюродный брат, Цао Юйнин. — Он положил руку на плечо Цао Юйнина, представляя его Лян Сычжэ. — Твой поклонник, специально приехал повидаться с тобой.

Взглянув на Лян Сычжэ, он заметил, что тот вернулся к привычному отстранённому образу и уже не усмехается.

— Сын твоего дяди? — спросил Лян Сычжэ, протягивая руку Цао Юйнину. В его манере не было теплоты.

Цао Юйнин очень обрадовался, быстро пожал руку и сладким голосом сказал:

— Сычжэ-гэ.

Цао Е ответил на вопрос Лян Сычжэ:

— Да.

— Твой отец очень похож на твоего дядю, но вы с братом совсем не похожи.

— У нас ведь большая разница в возрасте, — Цао Юйнин опередил Цао Е с ответом.

— В твоём возрасте он тоже не был на тебя похож. — Лян Сычжэ посмотрел на него.

— Да... Мой брат похож на маму, а я больше похож на папу, — быстро ответил Цао Юйнин. Было видно, что он очень хочет поговорить с Лян Сычжэ подольше.

Но Лян Сычжэ улыбнулся и промолчал, посмотрев в сторону ушедшего Цэн Жаня, теряя терпение.

— Что это такое смешное вы сейчас обсуждали? — Цао Юйнин повернулся к Цао Е. Он видел, как они смеялись во время разговора, и ему показалось, что эти двое очень хорошо знакомы. Но как только он подошёл, оба умолкли. Понимая, что оказался нежеланным гостем, Цао Юйнин расстроился.

Цао Е стало неловко. Не рассказывать же Цао Юйнину, что они только что обсуждали презервативы с пупырышками? Лян Сычжэ снова посмотрел на него, на этот раз с едва заметной усмешкой.

— Мы обсуждали разницу между цифровым и аналоговым форматами, — серьёзно сказал Цао Е. — Многие режиссёры предпочитают снимать на плёнку, потому что у неё есть зернистость и тонкость...

Лян Сычжэ внезапно рассмеялся, качая головой:

— Цао Е, ты такой милый.

Цао Юйнин не понимал, над чем смеётся Лян Сычжэ, и почему Цао Е милый. Разница между «цифрой» и плёнкой... Разве это не скучная тема? Почему это их рассмешило?

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12811/1130241>